

Сражение у Балтийского порта 13 (25) — 14 (26) августа 1808 г.

Последний в истории вооруженный конфликт между Швецией и Россией — Русско-шведская война 1808 — 1809 гг. — не раз привлекал к себе внимание историков. Однако боевые действия на море в кампанию 1808 г., в особенности деятельность корабельного (парусного) флота, не получили должного освещения.

И, как представляется, не случайно. Последний период расцвета шведского парусного флота приходится на время правления короля Густава III. И примерно тот же момент является, как известно, пиком могущества и русского флота. После убийства Густава III шведский флот, как и русский после убийства императора Павла I, находился в состоянии глубокого упадка. Поэтому, естественно, в центре внимания авторов всеобщих историй шведского флота К. А. Юленграната, П. Бекстрёма, Г. Унгера и других¹ находятся прежде всего события Русско-шведской войны 1788 — 1790 гг. Впечатление о незначительности и даже ничтожности событий на море в последующую войну 1808 — 1809 гг. еще более усилилось благодаря субъективным причинам. Так, командующий шведским корабельным (парусным) флотом в силу того обстоятельства, что авангард союзного шведско-британского флота составляли английские корабли, в своем рапорте с неуместной скромностью приписал весь успех генерального сражения с русским флотом англичанам. А те, в свою очередь, из-за того, что английских кораблей было всего два, и под впечатлением циклопических побед адмирала Нельсона не очень гордятся этим достижением. В результате после того, как от авторства достигнутого успеха все дружно отказались, и сам успех как бы исчез. Одинокая попытка все того же труда Шведского генштаба несколько скорректировать тра-

диционную точку зрения², воспринята не была. Постепенно в шведской историографии выработалось стойкое убеждение, наиболее четко выраженное в недавней статье Ларса Отто Берга: «После 1790 не было никаких настоящих морских сражений в Балтийском море между морскими флотами»³. Такая оценка относится, прежде всего, к действиям корабельных (парусных) флотов. Деятельность гребного флота, конечно, признается и описывается, но сам гребной флот как в шведской, так, кстати, и в русской историографии традиционно считается каким-то неполноценным, вспомогательным. И если принято думать, что боевых действий с широким участием «настоящего», то есть корабельного флота не было, например, не было классического генерального морского сражения с участием линейных кораблей (и лучше кровопролитного), то не было и «никаких настоящих морских сражений». А значит, и все боевое применение флота в эту кампанию или войну малоинтересно. Наконец, война 1788 — 1790 гг. в Швеции считается выигранной у русских, а 1808 — 1809 гг. — безусловно проигранной, что, вероятно, психологически отталкивает шведских исследователей, так как работ, посвященных войне 1788 — 1790 гг., особенно современных, в несколько раз больше.

Отечественная военно-морская историческая литература, посвященная эпохе наполеоновских войн, в силу своей специфики носит еще более консервативный характер, чем «сухопутная». Являясь плодом усилий в основном узких военно-морских специалистов, обычно не имеющих профессионального исторического образования, она, как правило, избегает четких выводов и новых подходов, предпочитая традиционные мнения, сложившиеся еще в XIX в.⁴

Под впечатлением англо-шведского превосходства на Балтийском море и вследствие материальной неготовности к походу русский корабельный флот в первые летние месяцы войны занимал выжидательную позицию в Кронштадте. Только часть судов в целях разведки показывалась в море. После захвата английским фрегатом «Сальсет» катера «Опыт» в конце июня русские, казалось, решили, что более сильные английские военно-морские силы находятся в устье Финского залива, и поэтому соблюдали известную осторожность, даже в отношении посылаки разведывательных судов. В конце июня русские пришли к пониманию того, что нападение на шведский корабельный флот

у мыса Хангё (Гангута) имеет шанс на успех. Командующий русским корабельным флотом адмирал П. И. Ханыков наконец получил секретный Высочайший рескрипт от 27 июня (9 июля) 1808 г. с приказом выйти в море из Кронштадтского порта для того, чтобы, действуя против шведского флота, «учинить над ним поиск и, атаковав его стремительно, завладеть им или истребить его». Однако уже в тексте того же рескрипта Александра I, имевшего характер директивы Верховного главнокомандующего, предписывалось «во время плавания иметь неослабную бдительность... дабы английский флот начальным соединением со шведским не поставил нас превосходством сил своих в опасность или затруднения»⁵, что изначально сковывало инициативу адмирала и заставляло его все время действовать с оглядкой. 14 (26) июля 1808 г. Ханыков поднял якорь и направился на запад. После соединения в Финском заливе с разведывательным отрядом капитан-лейтенанта П. Х. Зуева⁶ его эскадра насчитывала 9 линейных кораблей, 8 фрегатов и 13 более мелких судов.

Согласно инструкции морского министра от 4 (16) июля, русский адмирал должен был совещаться с главнокомандующим русскими сухопутными войсками в Финляндии генералом от инфантерии графом Ф. Ф. Буксгевденом о ближайших планах действия флота⁷. Результатом этого стала постановка следующих задач:

- действовать против Юнгферзунда, чтобы открыть сообщения через этот фарватер;
- выделить несколько судов к Аландс-хаф, чтобы прервать сообщение между Аландскими островами и шведским побережьем;
- послать отряд в Ботнический залив, чтобы препятствовать шведским транспортировкам на севере Финляндии.

Решение этих задач предполагало, что сначала будет обезврежен шведский флот⁸.

В предписаниях от 24 июля, 6 и 8 августа (ст. ст.), данных морским министром Чичаговым Ханыкову, рекомендовалось, с одной стороны, беречь время и помнить, что «главнейший предмет» его действий — «истребление шведского морского ополчения и завладение оным», а с другой стороны, беречь себя от нападения англичан. В предписании от 8 (20) августа 1808 г. Чичагов уже предостерегал Ханыкова от близости англичан и приказывал ему «по всей возможности предо-

хранить себя от нападения английских морских сил» и даже разрешил «смотря по обстоятельствам» укрыться в Свеаборге⁹.

Это побуждало Ханыкова действовать с величайшей осторожностью, так как, по слухам, английский флот из 9 линкоров должен был находиться в Бельте.

По мнению Буксгевдена, это наоборот давало повод для быстрого и смелого выступления против шведского флота, который к тому же теперь был разделен на некоторое расстояние. Однако русский адмирал, запуганный из Петербурга, никак не мог решиться на атаку, попусту тратя время на крейсирование у мыса Хангё, с намерением препятствовать шведскому десанту на южное побережье Финляндии, о котором, как он думал, будет осведомлен.

Последовательно командовавшие шведским корабельным флотом контр-адмиралы барон О.-Р. Седерстрём и Х.-Ю. Наукхофф при каждом случае просили у командующего союзной английской эскадры вице-адмирала Джеймса Сомареца поддержки. С момента выхода русского флота ни один английский линейный корабль не прибыл в Финский залив.

Приблизительно 1 августа адмирал Сомарец, казалось, решил, что сам пойдет на подкрепление Наукхоффа с несколькими кораблями. Он написал в этот день из Истада командующему Южной шведской армией, что пытался ускорить свое отплытие в Карлскруну, откуда потом полагал как можно скорее продолжить путь до Финского залива. Однако с приходом в Карлскруну он получил известие о существовании планов восстания испанских войск. Тогда было решено, что он должен оказать им поддержку, прежде чем он пойдет к Балтийскому морю. Сам он не пошел, но приказал контр-адмиралу сэру Сэмюэлу Худу с 4 линейными кораблями немедленно отплыть в Финский залив¹⁰.

Худ, который находился вне Истада, прибыл 12 августа в Карлскруну. На следующий день начальник военно-морской базы в Карлскруне вице-адмирал Ю. Пуке получил через курьера деловое письмо генерал-адъютанта по флоту вице-адмирала С.-М. Райялина от 8 августа с известием о выходе русского флота. Новость он сообщил без задержки Худу, кроме того, попросил, чтобы тот со всеми кораблями, какими он может располагать, как можно скорее объединился со швед-

ским флотом. Худ обещал выйти в море при первом же благоприятном ветре, но не смог покинуть Карлскруну прежде 15 августа.

Пока Худ еще оставался в Стокгольме, он получил от английского посла в Стокгольме Е. Торнтонна обращенное к Сомарецу деловое письмо. В нем посол сообщал, что через одно торговое судно, которое покинуло Кронштадт двумя днями позже, чем русский флот, он узнал, что тот насчитывал 9 линейных кораблей, 8 фрегатов и несколько других судов. Согласно тому, что Торнтон узнал из хорошо информированного источника, это должен был быть флот «очень плохо руководимый и укомплектованный, и состоящий большей частью из посредственных моряков». Их ближайшей задачей было атаковать шведский флот.

Худ вряд ли покинул Карлскруну прежде, чем встретил бриг «Диса», который привез письмо Наукхоффа к Сомарецу. Бриг должен был продолжать отыскивать английского главнокомандующего. До того он обязан был войти в Карлскруну, чтобы сообщить содержание письма Пуке. 20 августа Пуке получил еще одно известие о выходе русского корабельного флота благодаря деловому письму от капитана на английском линкоре «Голиаф», который возвратился из крейсирования к Финскому заливу. Тот тоже наблюдал русский флот, который, как сообщалось, составлен был из 17 линейных кораблей и 7 фрегатов «в хорошем состоянии и все свежевыкрашенные»¹¹.

20 августа Худ прибыл в Эврё с линейными кораблями «Сэнтоо», «Имплэйкэбл» и куттером и соединился с Наукхоффым. Английский контр-адмирал сообщил своему шведскому коллеге, что еще 2 линейных корабля, 1 фрегат и 3 корвета можно ожидать через пару дней. Однако до прихода Сомареца не прибыло никаких новых судов.

После поражения шхерного флота при Сандострём 2 августа король подчеркнул важность выхода корабельного флота в море и крейсирования к Финскому заливу для того, чтобы возбудить внимание неприятеля. И как только он получил уверенность в том, что русский флот ушел в море, он приказал Наукхоффу собрать все свои корабли, с учетом тех, что находились в Юнгферзунде, и выйти для того, чтобы встретить неприятеля.

13 августа король сообщил Наукхоффу полученные через президента канцелярии графа Ф.-В. Эренхейма «верные слухи» о численности русского флота, кроме того, приказ о возобновлении наступле-

ния. Король особенно подчеркнул необходимость путем решительного наступления обезопасить те транспорты, которые возможно были в пути из Карлскруны.

То, что тревога короля за них имела основания, вскоре подтвердилось. Известие о выходе русского флота не достигло Пуке настолько заблаговременно, чтобы он смог отозвать транспорты с различными предметами первой необходимости для корабельного флота. Транспорты покинули Карлскруну 9 августа под конвоем бригаов «Фальк» и «Найаден». Все транспорты вместе с одним бригаом при подходе к финским шхерам попали в туман и очутились посреди русского флота, который немедленно их пленил.

Поскольку Наукхофф сначала хотел дождаться прихода ожидаемого английского подкрепления¹², решили, что он не должен рисковать нападением на русский флот.

Таким образом, русский адмирал не смог, невзирая на напоминания из Петербурга и от Буксгевдена, решиться найти и атаковать Наукхоффа. Ближайшее время прошло без заслуживающих внимания военных событий. Русский флот держался поблизости от мыса Хангё. 21 августа он пошел к Юнгферзунду, для того чтобы провести разведку и затем, возможно, осуществить нападение на шведский флот. Ханьков, однако, уже упустил свои шансы на успех, ибо, как ранее упоминалось, эскадра Худа в это время уже соединилась со шведским флотом. Русские 23 августа попали в поле зрения союзного флота. В этот момент у шведов создалось впечатление, что они искали боя. Однако никакого нападения не произошло.

После полудня 22 августа, когда на рейд Эверё пришла дивизия линкоров Егерфельта¹³, Наукхофф собрал соединение из 11 линейных кораблей и 5 фрегатов вместе с несколькими бригами, к которому прибыло драгоценное подкрепление из английских 74-пушечных кораблей «Сэнтоо» и «Имплэйкэбл». Из числа боеспособных кораблей необходимо было, однако, исключить «Принца Фредрика Адольфа». На этот корабль, который имел огромный процент больных, Наукхофф разрешил перевезти самых тяжелых больных со всего флота, в то время как еще здоровый экипаж «Принца Фредрика Адольфа» был распределен на другие суда. Осталась лишь такая команда, чтобы корабль мог отплыть в Карлскруну, где его должны были почистить

и окурить для того, чтобы потом укомплектовать в полном составе здоровым экипажем и вернуть к флоту¹⁴.

Наукохофф и в дальнейшем переоценивал силу русского флота. Так, 23 августа он доложил королю, что тот насчитывает 24 судна, из них 14 линейных кораблей, но тем не менее решил в соединении с адмиралом Худом выйти в море завтра, если будет возможно.

Капитан брига «Фальк» с вышеупомянутого шведского транспортного конвоя попал в плен, но был отпущен русскими на свободу и прибыл 24 августа на эскадру Наукохоффа. От него адмирал получил информацию о том, что сила русского флота не более чем 9 линейных кораблей, 6 тяжелых и 6 меньших фрегатов, а также 2 куттера. Наукохофф, до тех пор скованный представлением о превосходстве сил противника, теперь, наконец, распрямылся. Он договорился с Худом следующим утром поднять якоря и отыскать неприятеля.

9 (21) августа адмирал Ханыков с 9 линейными кораблями¹⁵, 8 фрегатами¹⁶, 3 корветами¹⁷, 2 шлюпами¹⁸ и 2 катерами¹⁹ пошел от Гангута в Юнгферзунд для разведки. На исходе того же дня незадолго до 24 часов корвет «Мельпомена» капитан-лейтенанта И. С. Тулубьева²⁰ известил Ханыкова о соединении двух английских линейных кораблей и одного катера со шведским флотом²¹. В 5 часов на следующее утро «усмотрено с салинга²² стоящих на якоре к Норду 13 судов»²³, а в половине пятого утра 11 (23) августа «увидали мы, — пишет Ханыков в своем флагманском журнале, — стоящего на якоре неприятельского флота к Норду 18 судов»²⁴. Ханыков с эскадрой крейсировал у Юнгферзунда в течение трех дней²⁵. На четвертый день в 8 часов 15 минут утра 13 (25) августа 1808 г. командир корвета «Гермион» Ф. И. фон Ромберг²⁶ доложил Ханыкову, что в «Юнгферзунде находятся английских кораблей 2, да шведских 7». Тогда же корвет «Мельпомена» сигналом дал знать, что англо-шведский флот снимается с якоря и выходит в море²⁷. Действительно, в 5 часов 15 минут утра английские линейные корабли и шведский флагманский корабль «Король Густав IV Адольф» снялись с якоря и, поставив паруса, вышли в море от острова Эверё. Остальные суда постепенно последовали за ними так, что в 7 часов весь союзный англо-шведский флот был уже вне шхер²⁸. Адмирал Ханыков поспешно построил эскадру в боевой порядок, «как можно скорее — по способности»²⁹, т. е. не соблюдая установленных

мест, и, приказав нести все возможные паруса, стал лавировать к Ost, «дабы не быть отрезану» от русских портов, где он якобы хотел принять сражение³⁰.

Под всеми парусами, какие можно было поставить, была начата, как выражается в стиле английской аристократии шведский главнокомандующий контр-адмирал Наукохфф, «всеобщая охота на вражеский флот», который был уже виден. Линия баталии была сформирована, но когда она затруднила «охоту», в 9 часов 45 минут был отдан приказ, чтобы построенный в линию флот увеличил ход до предела, невзирая на равнение и плохое техническое состояние судов. В 2 часа 15 минут повторили сигнал кораблю «Принц Фредрик Адольф» отделиться от флота и идти в Карлскруну³¹. Таким образом, у союзников осталось 12 линейных кораблей.

В своем рапорте морскому министру Ханыков утверждал, что из двух английских кораблей союзного флота «один оказался 3-х дечный», то есть трехпалубный самого крупного класса; а «в шведских кораблях был также один 3-х дечный»³². Все эти фантазии — либо последствия сильного испуга, от которого реальные силы врага возрастают многократно, либо сознательная ложь с целью оправдать свою трусость. На самом деле ни 25, ни 26 августа в составе англо-шведского флота не было ни одного трехдечного корабля, а в шведском флоте кораблей такого класса вообще не имелось, и шведы очень переживали по этому поводу. Все корабли, участвовавшие в сражении 25 — 26 августа, за исключением двух русских, могли быть только обычными двухдечными, 74- или 64- пушечными³³.

Возможно, реальная причина труднообъяснимого бегства русской эскадры 13 августа кроется в другом. Как писал об адмирале П. И. Ханыкове в своих воспоминаниях адмирал П. В. Чичагов, в свое время служивший под его началом, «Ханыков — человек суеверный и ничего не предпринимавший в те дни, которые он наметил как несчастные»³⁴.

Поскольку в литературе дальнейшие события излагаются довольно сбивчиво, попытаемся подробно изложить их хронологию. В ночь с 13 (25) на 14 (26) августа строй русской эскадры в результате беспорядочного отступления нарушился. Суда сбились в бесформенную кучу, в том числе и корветы боевого охранения³⁵. На рассвете

14 (26) августа эскадра Ханыкова оказалась вблизи Балтийского порта. Вслед за русской эскадрой гнался союзный флот контр-адмирала Наукхоффа, впереди которого шли далеко ушедшие вперед 2 английских линейных корабля контр-адмирала сэра С. Худа. В начале шестого часа утра английские корабли стали нагонять упавший под ветер на 5 миль идущий концевым 74-пушечный корабль «Всеволод» капитана 2 ранга Д. В. Руднева³⁶, тяжелый в ходу, старый тимберованный³⁷ корабль. Первоначально не назначавшийся в плавание «Всеволод» был большей частью укомплектован ратниками ополчения, еще даже не обмундированными и одетыми в свои милиционные кафтаны³⁸.

В 5 часов 15 минут утра³⁹ адмирал Ханыков приказал линейным кораблям «Гавриил» капитана 2 ранга И. Я. Чернавина⁴⁰ и «Архистратиг Михаил» капитана 2 ранга А. И. Лукки⁴¹ идти на помощь кораблю «Всеволод», но приказ остался без исполнения. Вскоре корабль «Всеволод» повернул на другой галс и сделал по приближающемуся неприятельскому кораблю «Имплэйкэбл» залп. Между ними начался бой. Контр-адмирал Худ тоже подошел, но должен был скупиться на свой огонь, чтобы не повредить «Имплэйкэбл»⁴². В это время Ханыков пытался наладить управление своей эскадрой. В 5 часов 30 минут он сигналом приказал авангарду занять свои места в боевом порядке. В 6 часов сигналом при пушечном выстреле приказано кораблю «Гавриилу» спуститься на неприятеля и атаковать его на самом близком расстоянии. «Мало же спустя» этот сигнал «Гавриилу» был повторен. Такой же сигнал получил и линейный корабль «Орел»⁴³ капитана 1 ранга О. Е. фон Гаствера⁴⁴. Хотя линейные корабли «Гавриил», «Архистратиг Михаил» и «Орел» и отвечали на все сигналы, т. е. подтверждали получение приказа прийти на помощь «Всеволоду», но сам приказ не исполняли⁴⁵. Прошел час. Корабль «Всеволод» сражался и уже получил серьезные повреждения: штаги и марса-шкоты были перебиты, фор-брам-стенга переломлена, паруса во многих местах прострелены⁴⁶. Только тогда сам Ханыков на флагманском корабле «Благодать» пошел на выручку «Всеволода», одновременно в 6 часов 15 минут приказав сигналом и всему флоту «спуститься на неприятеля и атаковать его на самое ближайшее расстояние», т. е. следовать за собой. Русские корабли подчинились. Английские корабли, заметив это движение и поставив все паруса, пошли к шведскому флоту⁴⁷.

Но лишь англичане отошли, русская эскадра по данному с флагманского корабля в 6 часов 30 минут сигналу развернулась и легла на прежний курс⁴⁸. В 6 часов 45 минут фрегатам «Кастору» капитан-лейтенанта И. К. Сеченова и «Поллуксу» капитан-лейтенанта П. Ф. Трескевича⁴⁹ был дан сигнал оказать помощь «Всеволоду». «Кастор» на сигнал не ответил, а «Поллукс» ответил и пошел выполнять приказ⁵⁰.

Продолжая попытки построить эскадру в боевой порядок, Ханьков в 7 часов 45 минут приказал всему флоту устроить линию баталии. В ответ на это приказание «Всеволод», имевший после боя большие повреждения, поднял сигнал, что он не в состоянии сохранять свое место в линии. Потому фрегат «Поллукс» в 8 часов получил приказ взять корабль «Всеволод» на буксир и вести его в Балтийский порт. Однако принятый со «Всеволода» на «Поллукс» кабельтов⁵¹ порвался, а в 8 часов 15 минут Ханьков приказал кораблю «Борей» и фрегатам занять свое место в боевом порядке, что начал исполнять и фрегат «Поллукс», несмотря на повторные просьбы «Всеволода» взять его на буксир. В 8 часов 30 минут флот получил приказ следовать в Балтийский порт, а спустя 15 минут задним кораблям было указано «прибавить парусов», т. е. увеличить скорость⁵². Англичане, увидев, что русская эскадра быстро удаляется, а медленно идущий за ней «Всеволод», весь избитый, с расстрелянными парусами снова остался один, развернулись и начали догонять поврежденный корабль⁵³.

В такой ситуации командир «Всеволода» Руднев в 9 часов поднял сигнал «терплю бедствие, должен разлучиться с флотом и имею нужду в судне для препровождения в порт». В ответ на это в 9 часов 15 минут адмирал Ханьков велел линейным кораблям «Зачатие святой Анны» под брейд-вымпелом начальника авангарда эскадры капитан-командора А. В. фон Моллера⁵⁴, «Гавриил» и фрегату «Герой» капитан-лейтенанта П. Х. Зуева⁵⁵ остаться для помощи Рудневу. Фон Моллер, поставив все паруса, быстро спустился к «Всеволоду»; за ним следовал и «Гавриил». Английские корабли не стали рисковать и вновь повернули назад⁵⁶.

Шведский линейный корабль «Тапперхетен» и фрегаты начали достигать кильватера английского адмирала, находившегося на расстоянии около 0,5 мили от них⁵⁷. Послав фон Моллера на выручку Рудневу, русский адмирал убавил парусов и даже положил крьюсель на стень-

гу, то есть притормозил. Но как только стало ясно, что английские линейные корабли не хотят без поддержки союзников ввязываться в бой и отходят к приближающемуся шведскому флоту, Ханыков в 9 часов 30 минут приказал кораблям фон Моллера развернуться на прежний курс. В 9 часов 45 минут «для скорого выполнения» приказано всем русским «отделенным кораблям возвратиться к флоту»⁵⁸, — отряд фон Моллера пошел на соединение с эскадрой⁵⁹. В 10 часов 15 минут задним кораблям — прибавить парусов. В 10 часов 30 минут — всему флоту поставить все возможные паруса.

«Всеволод» в третий раз остался один, и на его просьбу «взять корабль на буксир» фрегат «Поллукс» даже не ответил.

В 11 часов 30 минут флагманский корабль адмирала Ханыкова, войдя на рейд Балтийского порта, стал на якорь. По ранее отданному в 11 часов 15 минут приказу⁶⁰ вся русская эскадра, кроме линейного корабля «Всеволод», в полдень вошла в губу Балтийского порта и стала на якорь со шпрингом⁶¹ в две линии поперек пролива между островом Малый Рогё и материком. В первой линии (последовательно от материка к острову) заняли позицию в кильватер друг другу линейные корабли «Северная звезда», «Эмгейтен», «Зачатие святой Анны», «Благодать», «Архистратиг Михаил», «Борей», «Орел» и «Гавриил». Во второй — фрегаты и корветы: «Помона», «Мельпомена», «Герой», «Аргус», «Тихвинская Богородица», «Кастор», «Счастливыи», «Феодосий Тотемский», «Поллукс» и «Быстрый». За второй линией расположились корвет «Гермин», шлюпы и катера⁶². «Всеволод», который из-за повреждений не смог обогнуть мыс острова Малый Рогё и войти вместе со всеми в Балтийский порт, вынужден был бросить якорь по северную сторону острова на ближайшем расстоянии от берега⁶³.

Русские суда ожидали атаки союзного флота, но ее не последовало. Английские корабли предпочли добивать «Всеволод», а шведские — созерцать это зрелище.

На этом собственно сражение флотов у Балтийского порта закончилось, и начался бой почти неуправляемого русского линейного корабля с двумя английскими. Русский корабль после ожесточенного сопротивления был взят на абордаж, и по приказу командира капитана 2 ранга Руднева «спустил флаг» и сдался⁶⁴. Поскольку корабль был в таком состоянии, что не затонул только потому, что был специально

посажен на мель в ходе боя, англичане подожгли его, и «Всеволод» взорвался. Русская эскадра наблюдала все это, не смея вмешаться.

Сам адмирал Ханыков в рапорте морскому министру Чичагову от 15 (27) августа 1808 г. (то есть на следующий день после сражения) объясняет свое поведение тем, что «еще прежде всеобщего сражения линия наша одним кораблем⁶⁵ уменьшилась, да и корабль „Северная звезда“ за внезапным фор-стенги повреждением не нес фор-марселя, от чего и не мог сохранять в точности своего места. Сими обстоятельствами неприятельская сила сделалась гораздо превосходнее нашей. То дабы не дать ему воспользоваться сим своим превосходством, с вверенною мне эскадрою направил я путь свой в Балтийский порт»⁶⁶. В своих показаниях Адмиралтейств-коллегии преданный ее суду Ханыков добавляет к этому: «наипаче же, неповиновение трех капитанов вышесказанных кораблей произвело во мне сомнение о получении успеха, а потому я нашел себя принужденным уклониться от сражения под парусами и спустился в Балтийский порт»⁶⁷.

Атаковав отставший «Всеволод» и нанеся ему тяжелые повреждения, английский контр-адмирал фактически уже одним этим ходом принуждал русского адмирала принять сражение со всем союзным флотом, при этом жестко привязывая его действия к задаче конвоирования и обороны поврежденного линкора «Всеволода». В этой ситуации у адмирала Ханыкова было несколько вариантов:

1) принять сражение в этих навязанных условиях, то есть отдать инициативу в руки противника;

2) атаковать всеми боеготовыми (исправными) судами англо-шведский флот, отвлекая все его внимание на себя;

3) твердо решив не принимать боя ни при каких условиях, бросить поврежденный «Всеволод» на произвол судьбы и приказать всем исправным судам укрыться в Балтийском порту.

Другие решения, например, выделить часть сил на конвоирование поврежденного корабля, а остальными действовать против флота противника, привели бы к еще большему разделению сил русских и разгрому их по частям (при грамотных действиях противника). Русский адмирал выбрал последний, третий вариант.

С 15 (27) по 16 (28) сентября 1808 г. русский корабельный флот был заблокирован в Балтийском порту англо-шведским флотом. Бло-

када была снята из-за массового заболевания личного состава шведской эскадры⁶⁸.

Почти в тот же момент, как последний из блокировавших кораблей потерял из виду Балтийский порт, туда прибыл морской министр, адмирал Чичагов с приказом Ханыкову передать командование флотом контр-адмиралу Ф. Я. Ломену, а самому отправляться в Петербург, для того чтобы отвечать за тот метод, которым он вел операции флота.

20 сентября (2 октября) 1808 г. контр-адмирал Ломен со всей эскадрой снялся с якоря и отплыл по направлению к Кронштадту⁶⁹. При выходе в море один из фрегатов («Герой») был ветром прижат к мели и через двое суток затонул. Его командир, капитан-лейтенант П. Х. Зуев разжалован в мичманы⁷⁰. 21 сентября (3 октября) 1808 г. эскадра Ломена прибыла в Кронштадт⁷¹.

Таким образом, вышедшая в море после долгих проволочек эскадра русского корабельного флота была в результате сражения загнана в Балтийский порт, и англо-шведская блокада нейтрализовала российский парусный флот до конца кампании.

Впоследствии морской министр П. В. Чичагов, снимая с себя (и, естественно, с императора) всякую ответственность за провал кампании корабельного флота, возлагал всю вину на своего подчиненного адмирала П. И. Ханыкова. Министр утверждал, что «после всех сих распоряжений (данных Александром I и им, Чичаговым) и мер осторожностей, не без основания можно было ожидать, что морское ополчение наше увенчается благим успехом»⁷².

Между тем, как было показано выше, уже в первоначальной директиве Александра I Ханыкову наряду с четким указанием действовать наступательно и решительно содержались сковывающие инициативу адмирала рекомендации о нежелательности встречи с английским флотом. Впоследствии в служебной переписке с морским министром Чичаговым эти рекомендации превратились в указания не вступать в бой со шведским флотом в случае его соединения с английским.

Постепенно акцент с приказа «найти шведский флот и уничтожить», по-видимому, незаметно для верховного командования, но вполне явственно для командующего русской эскадрой сместился на приказание «ни в коем случае не вступать в бой с английским флотом». В конкретных условиях боевой обстановки это означало трансформацию

приказа «найти противника и уничтожить» в приказ «ни в коем случае не вступать с противником в бой». Противостоять такому психологическому прессингу со стороны вышестоящего командования могли только великие адмиралы, такие как Ф. Ф. Ушаков и Д. Н. Сенявин.

Таким образом, динамика принятия решений русским флотоводцем в кампанию 1808 г. на море выглядит так: с 25 июля до 9 августа под воздействием переписки с начальством он никак не может решиться атаковать неприятеля; 9 августа наконец выходит в море и 10 числа обнаруживает его, но опять не атакует; будучи сам атакован противником 13 августа, в «несчастливое» число, обращается в бегство на всех парусах; на следующий день число было уже «счастливым», но в результате бегства боевой порядок эскадры успел расстроиться, 2 линейных корабля в значительной степени утратили боеспособность, а сам русский командующий в результате неповиновения командиров еще 3 линейных кораблей потерял доверие к своим подчиненным и уверенность в успехе.

Поступки шведского флотоводца контр-адмирала Наукхоффа тоже вызывают вопросы. Все лето он взывает к своему британскому союзнику с просьбой прислать подкрепления. Наконец, получив в помощь 2 английских линейных корабля, почти тотчас же, да еще и в день генерального сражения, добровольно отсылает прочь 1 шведский линейный корабль, сразу вдвое уменьшая эффект от британской помощи, и без того не очень значительной. При этом, отсылая под предлогом нехватки экипажа линейный корабль, он берет с собой в сражение 5 фрегатов и 3 брига, по существу, вспомогательные суда, которые не в состоянии решительно повлиять на ход боя.

Приходится признать, что в результате генерального сражения у Балтийского порта союзный флот достиг блестящего успеха, пожалуй, самого выдающегося не только в кампанию 1808 г., но и за всю историю сражений парусных (корабельных) флотов в русско-шведских войнах.

примечания

¹ *Gyllengranat C. A. Sveriges sjökrigshistoria i sommandrag af C. A. Gyllengranat. Del. 2. Carlskrona, 1840; Bäckström P. Svenska flottans historia. Stockholm, 1884; Unger G. Svensk sjökrigshistoria. 1680–1814. Del. 2. Stockholm, 1923; Svenska flottans historia. Örlogsflottan i ord och bild från dess grundläggning under Gustav Vasa fram*

- till våra dagar. Bd. 2. Malmö, 1943; *Berg L. O. The Swedish navy, 1780–1820 // Meddelande 58–59 Armémuseum 1998–1999. Stockholm, 2000.*
- ² Sveriges krig åren 1808 och 1809. Utgifvet af Generalstabens Krigshistoriska afdelning. Del. VIII. Stockholm, 1921. S. 134.
- ³ *Berg L. O. The Swedish navy ... S. 85.*
- ⁴ *Золотарев В. А., Козлов И. А. Три столетия российского флота, XIX — начало XX вв. М., 2004. С. 93, 94; Монаков М. С., Родионов Б. И. История российского флота в свете мировой политики и экономики (X – XIX вв.) / под общ. ред. В. И. Куроедова; вступ. ст. В. Масорина. М., 2006. С. 431.*
- ⁵ *Huve П. А. Русско-шведская война 1808 – 1809 гг. СПб., 1910. С. 228.*
- ⁶ *Чернышев А. А. Российский парусный флот: справ. в 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 250.*
- ⁷ *Huve П. А. Там же.*
- ⁸ Sveriges krig ... S. 126.
- ⁹ *Huve П. А. Русско-шведская война ... С. 229.*
- ¹⁰ Sveriges krig ... S. 127.
- ¹¹ *Op. cit. S. 128.*
- ¹² *Op. cit. S. 129.*
- ¹³ *Op. cit. S. 94.*
- ¹⁴ *Op. cit. S. 130.*
- ¹⁵ 130-пушечная «Благодать», 110-пушечный «Гавриил», 74-пушечные «Орел», «Северная звезда», «Борей», «Зачатие святой Анны», «Всеволод», 66-пушечные «Архистратиг Михаил» и «Эмгейтен».
- ¹⁶ 50-пушечные «Аргус» и «Быстрый», 48-пушечный «Герой», 44-пушечные «Счастливый», «Тихвинская богородица», «Феодосий Тотемский», 36-пушечные «Кастор» и «Поллукс».
- ¹⁷ 22-пушечные «Мельпомена», «Помона» и «Гермион».
- ¹⁸ 16-пушечные «Волхов» и «Лизета».
- ¹⁹ 8-пушечные «Жемчуг» и «Топаз».
- ²⁰ *Чернышев А. А. Указ. соч. Т. 2. С. 32.*
- ²¹ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 9. Д. 50. Л. 115 об. Сухопутный генерал-лейтенант А. И. Михайловский-Данилевский, а за ним и все военно-морские исследователи ошибочно помещают это событие под 10 (22) августа 1808 г., не учитывая, что у моряков сутки начинались на 12 часов раньше общегражданских. «11 часов по полудни 10-го августа» на самом деле — 23 часа 9 (21) августа.
- ²² Салинг — рама для соединения стеньги с ее продолжением. В зависимости от принадлежности к той или иной мачте носит название фор-, грот- или крьюйс-салинг.
- ²³ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 9. Д. 50. Л. 115 об.
- ²⁴ Там же. Л. 117.
- ²⁵ *Михайловский-Данилевский, А. И. Описание Финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 гг. СПб., 1841. С. 301.*
- ²⁶ *Чернышев А. А. Там же.*
- ²⁷ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 9. Д. 50. Л. 117.
- ²⁸ Sveriges krig ... S. 131.
- ²⁹ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 9. Д. 50. Л. 120 об.
- ³⁰ Там же. Л. 311 об.
- ³¹ Sveriges krig ... S. 132.

- ¹² РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 9. Д. 50. Л. 312.
- ¹³ Svenska flottans historia. S. 360, 548.
- ¹⁴ *Чичагов П. В.* Записки адмирала Павла Васильевича Чичагова, первого по времени морского министра. М., 2002. С. 590, 591.
- ¹⁵ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 9. Д. 50. Л. 242.
- ¹⁶ *Чернышев А. А.* Указ. соч. Т. 1. С. 94.
- ¹⁷ Тимберованный — прошедший капитальный ремонт.
- ¹⁸ *Кротков А. С.* Повседневная запись замечательных событий в русском флоте. СПб., 1893. С. 323.
- ¹⁹ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 9. Д. 50. Л. 122.
- ²⁰ *Чернышев А. А.* Указ. соч. Т. 1. С. 159.
- ²¹ Там же. С. 102.
- ²² Sveriges krig ... S. 132, 133.
- ²³ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 9. Д. 50. Л. 122.
- ²⁴ Там же. Л. 288.
- ²⁵ Там же. Л. 190.
- ²⁶ Там же. Л. 312.
- ²⁷ Там же. Л. 122.
- ²⁸ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 9. Д. 40. Л. 24.
- ²⁹ *Чернышев, А. А.* Указ. соч. Т. 1. С. 208.
- ³⁰ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 9. Д. 50. Л. 190 об.
- ³¹ Трос для буксировки.
- ³² РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 9. Д. 50. Л. 122 об.
- ³³ Там же. Л. 24.
- ³⁴ В будущем — морского министра.
- ³⁵ *Чернышев А. А.* Указ. соч. Т. 1. С. 250.
- ³⁶ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 9. Д. 40. Л. 24.
- ³⁷ Sveriges krig ... S. 133.
- ³⁸ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 9. Д. 50. Л. 122 об.
- ³⁹ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 9. Д. 40. Л. 24.
- ⁴⁰ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 9. Д. 50. Л. 122 об.
- ⁴¹ Шпринг — вспомогательный якорь, заведенный с кормы, чтобы при всех переменах ветра или течения судно оставалось повернутым бортом к желаемому направлению.
- ⁴² РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 9. Д. 50. Л. 217 об.
- ⁴³ Там же. Л. 312 об.
- ⁴⁴ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 9. Д. 40. Л. 26 об.
- ⁴⁵ То есть «Всеволодом».
- ⁴⁶ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 9. Д. 50. Л. 312 об.
- ⁴⁷ РГАВМФ. Ф. 212, Оп. 9. Д. 50. Л. 239.
- ⁴⁸ Sveriges krig ... S. 151, 152.
- ⁴⁹ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 2938. Л. 54 об.
- ⁵⁰ *Данилов А. М.* Линейные корабли и фрегаты русского парусного флота. Минск, 1996. С. 162, 163.
- ⁵¹ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 2938. Л. 55.
- ⁵² РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 9. Д. 50. Л. 12.